

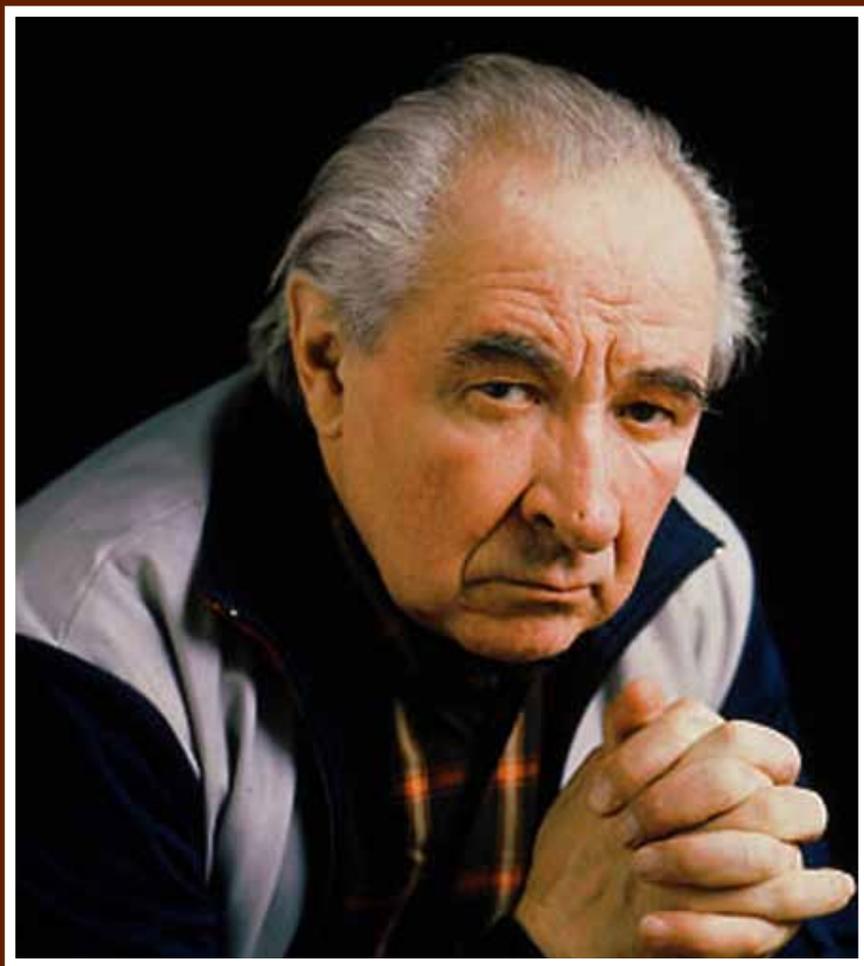
РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ЕВГЕНИЙ ЛЕБЕДЕВ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

«...ИМЕННО ЗДЕСЬ, В РУССКОМ
ТБИССКОМ ТЮЗЕ...»

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НАРОДНОГО
АРТИСТА СССР, ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ТБИЛИСИ
ЕВГЕНИЯ ЛЕБЕДЕВА**

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

**«...ИМЕННО ЗДЕСЬ, В РУССКОМ
ТБИССКОМ ТЮЗЕ...»**

ЕВГЕНИЙ ЛЕБЕДЕВ

Тбилиси
2017

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку — в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье — «Грузины», ныне — Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой — в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские — опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» — первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель —

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта —

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

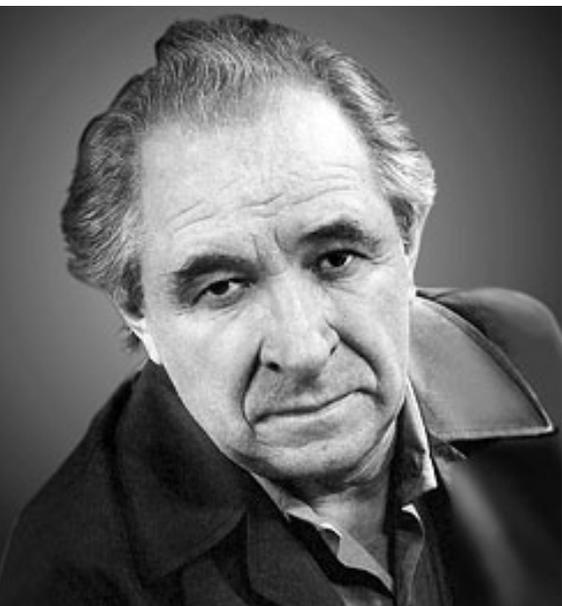
заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2017**

ISBN

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Он сыграл около пятидесяти ролей в кино и почти шестьдесят – в театре. У него не было конкретного амплуа, за искусство перевоплощения в самые различные образы ему дали имя «Великий лицедей». Жена актера считала лучшей его ролью Монахова в горьковских «Варварах», сетуя, что «она, как и многие другие удачи, не сохранилась в записи». Зато есть запись спектакля, где он сыграл свою знаменитейшую роль, которая ввела его в историю мирового театра, восхищая людей во всех концах планеты – роль пегого мерина Холстомера. Ну, а в первом своем профессиональном театре он был любимцем зрителей в образе...Бабы-Яги. Сыграна эта роль в Грузии, в Тбилиси, и стала, как и толстовский конь, знаковой в театральной

судьбе Евгения Лебедева, великого мастера импровизации.

«Что такое импровизация? – говорил он. – Многие понимают ее как вольное обращение с текстом... Импровизация – это дорога, которую ты хорошо знаешь, и поэтому всегда можешь сойти с нее и не сбиться с пути. Импровизация идет от сегодняшнего дня: от партнера, от зала, от атмосферы жизни. Хоть 200-й раз играй – роль от этого не растет. Я от повторения получаю удовольствие: иногда иду на сцену и не знаю, как буду играть. Все зависит от того, каков зал, как настроены партнеры... Не жди большой роли, можешь прождать всю жизнь. Бери ту, что дают, и делай...»

Он так и поступал, и каждая сыгранная им роль становилась большой. При том, что искрометный на сцене, в жизни он был «человеком в себе», довольно замкнутым и немногословным. Наверное, потому, что постоянно искал ответы на сложные вопросы, предъявленные судьбой. И это легко понять: до того, как Тбилиси одарил его полноценным дебютом на сцене, прежде, чем он получил именно в Грузии свои первые награды, жизнь преподносила Евгению Алексеевичу такое, что не приснится иному драматургу. Вот и писал он: «Вся жизнь состоит из вопросов и ответов. Познавать жизнь – значит отвечать на вопросы по твоим способностям, в меру твоих собственных сил, твоего активного участия в ответах на вопросы, поставлен-

ные самой жизнью. Ответы формируют человека, его сознание, его содержание, его духовный мир. Чем меньше вопросов, тем меньше человек... Только я задаю себе такие вопросы или все, кто жил до меня, и тот, кто живет со мною, вырастали рядом и растут, мучаются одними и теми же вопросами? Куда деваются ответы? Почему ответ не устраивает человека между рождением и смертью, между детством и старостью. Так, должно быть, устроен человек, чтобы жить для поиска ответов. В мире оттого, может, и нет мира?! Потому что жизнь есть разрушение? Может быть, такое происходит только у нас, с нами? С теми, кто в бедности и нищете проживал свою жизнь и не имел своего собственного «Я»?

Работая в Тбилиси, на одни вопросы Лебедев нашел ответы, на другие – продолжал искать. Да и сам оставил нам немало вопросов... И мы приглядимся к тому, что дала ему Грузия на его сложном, порой даже трагическом пути. А чтобы лучше понять, какую роль этот город сыграл в его судьбе, не упустим ничего и из тех испытаний, которые уготовила ему судьба перед тем, как он появился на берегах Куры.

Город Балаково

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

Родился Евгений Алексеевич в семье дьякона Иоанно-Богословской церкви небольшого приволжского городка Балаково, в переломный для российской истории 1917 год, незадолго до Февральской революции. «Я родился ночью. С первым словом «мама» во рту у меня был крест, я сосал его вместо соски... Первое, что увидел, кроме лиц отца и матери, – крестное благословение. Первое, что запомнил: «Бог накажет». До двенадцати лет я узнал все грехи,

за которые он меня накажет...».

Узнает он это потому, что религия играет огромную роль в жизни мальчика: «Я пел в хоре и читал «Часы» – это начало службы, литургии... Дома играл в церковь: я - священник, а сестры и брат - молящиеся. Причащал, делал из полотенца епитрахиль» (длинную ленту, огибающую шею и обоеими концами спускающуюся на грудь священника во время богослужения – прим. авт.).

Театр впервые входит в его жизнь именно по ассоциации с народным бытом семьи: «Мама меня водила в театр в Балакове, где бывали гастролеры. Помню спектакль – заговор, свечи в темноте... Оркестр в антракте, стуки молотков на сцене – все загадка. Я не знал, что такое артисты. Вроде он

Маленький Женя с родителями

умер, а потом выходит кланяться. В церкви в Страстную неделю тоже было необычно. Церковь в чем-то походила на театр. Или театр – на церковь. Все одевались чисто, все было торжественно, хоровое пение, разноцветные лампы».

Но затем не Бог, а советская власть угрожает Лебедевым наказанием за их единственный «грех»: глава семьи – священник, а значит, «чуждый элемент», и вместе с близкими подлежит «чистке». Так что, в середине 1920-х годов Лебедевым приходится уехать из

Дом, где родился Е.Лебедев

ских премий – прим. авт.), Юрий Толубеев (в будущем – Герой Социалистического Труда, Народный артист СССР, лауреат Ленинской и Сталинской премий – прим. авт.) и другие. Свое происхождение Лебедев скрывает, заявляя, что родители умерли от голода. Его принимают в комсомол.

Спустя годы он вспоминал: «Был комсомольцем, активистом. С двенадцати лет работал и как будто ни в чем не отличался от своих товарищей, которым не нужно

Балаково и скитаться по Саратовскому побережью Волги, сменив пять городов и поселков. С сыном священник поступает весьма дальновидно – в 1927-м отправляет к бабушке и дедушке в Самару. Там мальчик учится в школе, носящей громкое имя Чапаева, поступает в фабрично-заводское училище при заводе «Кинап», по окончании которого его ждет «карьера» слесаря-лекальщика.

Но в Жене оживают впечатления детства, и он увлекается самодеятельностью – поет в хоре, записывается в драмкружок. Дебют в этом кружке приносит неожиданный успех, и парня принимают в самарский ТРАМ – Театр рабочей молодежи, ставший первой из его четырех театральных школ. Этот коллектив на виду у всех – над ним шефствуют знаменитые на всю страну артисты Василий Меркурьев (впоследствии Народный артист СССР, лауреат трех Сталин-

Бюст артиста на его родине

Юнгштурмовка, которой гордился комсомолец Лебедев

было при живых родителях говорить о них, что они давным-давно умерли. Меня как комсомольца губком посылал в период коллективизации в деревню работать с молодежью. И я работал, верил в то, что моя работа необходима. Сам полуграмотный, учил неграмотных. А сколько их было в ту пору! Научатся писать свою фамилию – уже победа, ставили ему в графу – грамотный. В закрытой церкви – клуб. Я организовываю комсомольскую ячейку. Я, поповский сын! Комсомольскую ячейку в церкви! Я носил юнгштурмовку (военизированную куртку, название которой происходит от молодежного движения немецких коммунистов «Красный Юнгштурм», носивших эту униформу – прим. авт.). Не каждому ее давали, нужно было заслужить. Я, мальчишка, ночами дежурил у ответственного телефона. Мои распоряжения – закон. Права у комсомольцев огромные. Это не то, что сейчас, – написать бумагу, послать ее к другому, высшему начальству, тот наложил резолюцию...

Тогда было проще. Пришла баржа – снимаю трубку, звоню в тюрьму: «Прошу прислать пятьдесят человек на разгрузку». Сажусь вместе с милиционером в одно седло и еду проверять. Темно. Осень. Грязища. Старая Самара. Но в старой Самаре новые времена. И это новое делали мы – мальчишки и девочки. Работа у нас – взрослая, ответственная».

А в Театре рабочей молодежи он с радостью берется за любые роли, приходит признание зрителей, а значит, появляются и завистники. В «органы» уходит донос о семейном происхождении Евгения. О том, что происходит после, – его невеселые воспоминания: «У нас в театре работает поповский сын». Это в ТРАМЕ-то! ЧП! Я стою в репетиционном зале, вокруг меня мои бывшие товарищи. Теперь я им не товарищ, а злостный враг. Меня пригвоздили к позорному столбу. Кричали, ярлыки всякие клеили. Заявляли, что таким, как я, не место в театре, и не только в театре, но и в обществе... Я стоял и плакал, мне было шестнадцать лет». До Всесоюзного совещания передовых комбайнеров, на котором впервые прозвучали знаменитые слова Сталина: «Сын за отца не отвечает», было еще два года. Впрочем, как все мы знаем, и после них этот принцип нарушался сплошь и рядом, а уж в 1933-м, когда «прорабатывали» Лебедева, – и подавно.

От «затаившегося классового врага» отворачиваются товарищи,

коллеги по сцене, над ним нависает угроза ссылки в трудовой лагерь. Но тут делает свое дело благотворное влияние театра: один из чекистов, ставший заядлым театралом, советует талантливому пареньку уехать, лучше всего в Москву – в ней легче затеряться. И шестнадцатилетний Лебедев бежит в столицу. Там он голодает, не имеет крыши над головой, но зато поступает в студию при Театре Красной армии. И где только не приходится одновременно с учебой зарабатывать на хлеб! Грузчик, вальцовщик на маслобойном заводе, разнорабочий на стройке, ученик мастера на кондитерской фабрике...

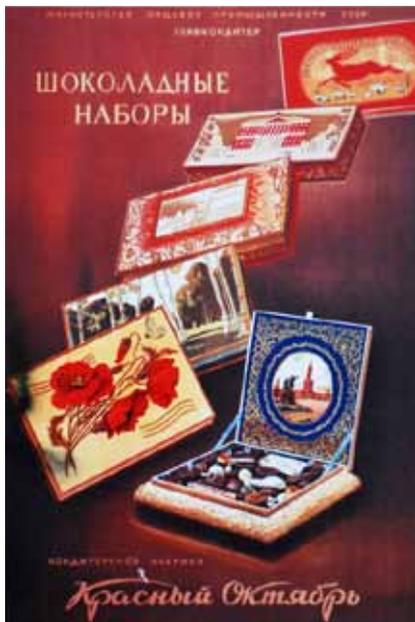
Приходится выдавать себя за круглого сироту: «Никто не знал, что у меня есть отец и мать, все знали, что они давным-давно умерли, в голодном двадцать первом году, на Волге. Я помню, как меня стыдили за то, что скрывал, что похоронил родителей: «Кого похоронил? Отца и мать! Где у тебя совесть?! Ты должен их навестить!» И опять я стал виноват. Я навестил их, я всегда навещал их, только тайно, чтобы никто не знал. Меня этому научили... С тех пор как я стал врать, ко мне стали хорошо относиться, меня переставали называть «попенком», «кутейником». Но страх перед Богом все время ходил за мною и напоминал о моих грехах до тех пор, пока я не привык к нему, потому что другой страх сделался страшнее. Бог неизвестно еще когда накажет. А люди называли быстро».

Но все-таки два мужественных решения он принял уже тогда, совсем молодым человеком. Он, вопреки советам, не поменял отцовскую фамилию на материнскую – Кирильцева. А еще – отказался вступать в партию. И не вступил до конца жизни. Отвергал все просьбы стать коммунистом, уже будучи известнейшим актером. Мотивировал просто: «Я – религиозный человек». Возможно, это был своего рода долг памяти отцу, священнику Алексею Лебедеву...

«...В ДЕЛЕ ТВОЕМ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЕРА»

Театральная учеба шла своим чередом. Из студии при Театре Красной армии он переходит в Учебно-театральный комбинат («Теавуз») имени Луначарского, бывший ЦЕТЕТИС – Центральный техникум театрального искусства. А когда это учебное заведение в очередной раз преобразовывается – в знаменитый ГИТИС, юношу направляют в школу Камерного театра, которым руководит легендарный Александр Таиров. При этом театре для Лебедева находится и еще одна работа – бутафором. То-

щий, «не фактурный», бедно одетый молодой человек чувствует себя неуютно в атмосфере элитного театра. Но подработка в шоколадном цехе фабрики «Красный Октябрь» помогает окрепнуть, а на Всесоюзном конкурсе художественной самодеятельности работников пищевой промышленности в Харькове сам нарком этой отрасли Анастас Микоян лично вручает ему приз – коверкотовый костюм.

Кстати, «Красный Октябрь» на всю жизнь дал Евгению одну удивительную физическую способность. Вот что вспоминает театровед Раиса Беньяш об уже зрелом Лебедеве: «Однажды в Комарове, в старом актерском доме отдыха,

уборщица затопила печку и куда-то запропастилась. Лебедев, обещавший приглядеть за огнем, со знанием дела и с явным удовольствием ворошил дрова. Несколько горящих углей упало на пол. Неспешно, уверенно и спокойно Лебедев поднял их один за другим и, не обжигая пальцев, водворил на место. Я удивилась: как это ему удалось? И тогда, вместо ответа, он рассказал мне о старом мастере, которого встретил, когда работал в Москве учеником на кондитерской фабрике. В гигантском котле шипела кипящая сахарная масса. Пар стелился по всему цеху. Горячий и влажный, он заволакивал помещение, застилал глаза, делал их незрячими. Ученику полагалось помешивать массу тяжелой ложкой. Он старался делать это, отвернув лицо и почаще отрывая руку от нагретшегося металла. А мастер время от времени подходил, споласкивал правую руку в ковше с водой и без всяких предосторожностей запускал ее в обжигающую сладкую массу. Проверив пальцами густоту и тягучесть и сделав замечание о неготовности массы, мастер внимательно оглядывал ученика и шел своим ровным шагом дальше. Ученику становилось стыдно за свою непригодность и он старался победить страх. Через некоторое время он и сам научился обращаться с обжигающей массой на «ты».

С отцом он встретится лишь однажды, в страшном 1937 году. И до конца дней своих будет пом-

На этой станции Евгений встретился с отцом

нить о встрече: «Я все время об этом думаю. Днем и ночью. Во сне и наяву. Лежу в постели, молчу и думаю. Передо мной станция Аркадак. Привокзальный буфет. Я и отец. Мне двадцать лет. Отцу – за шестьдесят. Первый и последний раз я пил с отцом. Он мне сам предложил: «Я хочу с тобой выпить. Я чувствую, что мы больше никогда не увидимся». Я никак не ожидал услышать от него такое. А он смотрел в стопку и говорил, как заклинание, как молитву: «Запомни: никогда не теряй веру. Никогда с ней не расставайся. Что бы ты ни делал, в деле твоём должна быть вера. С верой и благоговением совершай свой труд, зарабатывай кусок хлеба. Не оскверняй храма своего, храм – в тебе самом, храм – душа наша. Трудись – и воздастся тебе, стучи – и откроются тебе

двери познания жизни, ищи — и найдешь... Не обижай людей, ибо в человеке есть Бог. Бог – это человек».

Встретились они 20 августа, а 1 сентября пришла телеграмма: «Отец арестован. Мама». Затем арестовали и мать...

«Новое ко мне отношение, новый ярлык, опять позорное клеймо. Присматриваются, что я буду делать, как поведу себя в новых «предлагаемых обстоятельствах». Он хочет взять оставшуюся в одиночестве сестру к себе в общежитие, но получает категорический отказ. А как-то «пристроить» девочку надо, и начинаются мучительные хождения по различным инстанциям. Вспоминать о них без горечи Лебедев не может: «Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения – прим. авт.) ответил: «Вра-

В это здание на Лубянке Евгений привел сестру

гов не устраиваем, кому нужно, тот о них позаботится. Уходите!» И мы ушли. Пришли в женотдел (отделы по работе среди женщин при партийных комитетах – прим. авт.). После моего объяснения председатель закричала: «А, поповские выродки! К нам пришли? Деться некуда? Поездили, покатались на нашей шее? Хватит!» Мы стояли и слушали, как над нами издеваются взрослые мамы и тети. А мы-то надеялись!..

Мы теперь равные, говорил я, такие же, как все. Мы теперь не отвечаем за поступки наших родителей, мы им не выбирали профессий – нас тогда еще не было. В статье нового закона написано, что мы теперь не лишены... Я с двенадцати лет сам добываю себе на хлеб, я беспризорник. Я привел вам девочку... ей десять лет. Куда ее? На улицу?

Помню, как наступила тишина – и в тишине вдруг голос, спокойный, уверенный, стальной:

– На Лубянку! Там ваше ме-

сто!»

И от «добрых людей» брат с сестрой идут на Лубянку, к тем, «кому нужно», в НКВД: «Я привез сестру на площадь Дзержинского в Москве и сказал: «Вот девочка, ее нужно устроить в детский дом, у нее родители репрессированы». Я делал вид, что она мне чужая: «Нашел на улице!»

Так сестра оказывается в детском доме, и это помогает ей выжить. (О сестре он помнил всегда, и спустя годы нашел ее – прим. авт.).

Евгений, вопреки всем сложностям, не только продолжает работать и учиться, но и женится. В двадцать один год. Ранний брак с Натальей Петровой оказывается непрочным, супруги вскоре расстаются, несмотря на то, что у них родилась дочь... Театральное образование он заканчивает в 1940-м, уже не при Камерном театре. Очередная реформа объединяет работавшее там училище с двумя другими при столичных театрах, и дипломированным актером Лебедев становится в Московском городском театральном училище. Когда в комиссии по распределению его спросили, куда бы ему хотелось поехать работать, он не задумываясь заявил: «Туда, где потеплее». Объясняется это так: у него просто не было ни пальто, ни денег, чтобы его купить.

В общем, распределяют его в Тбилиси. А пространный рассказ о том, что предшествовало этому, позволил нам понять, почему раз-

влекая со сцены молодых жителей грузинской столицы, в быту Евгений Алексеевич оставался замкнут и невесел. Вся жизнь его преследовало чувство вины: он считал, что фактически отречься от родителей его заставили окружающие: «Раны не обязательно остаются лишь после огнестрельного или холодного оружия, раны глубокие, незаживающие остаются от самого страшного оружия. Это оружие – жестокость, отсутствие милосердия».

В Тбилиси молодого актера ждет сцена местного русского Театра юного зрителя, уникального даже для такого театрального города, как столица Грузии. Поэтому приглядимся повнимательней к первому месту профессиональной работы актера Лебедева.

Николай Маршак

ВЫСОКАЯ МИССИЯ – СЛУЖЕНИЕ ДЕТСТВУ

Первый в Закавказье театр для детей появился в 1927 году на основе драматического любительского кружка при Тифлисском клубе железнодорожников. Создали его совсем молодые люди – двадцатилетний Николай Маршак и двадцатичетырехлетний Констан-

тин Шах-Азизов. Первый из них начинал в любительских кружках, был организатором, режиссером и актером Первого пролетарского театра комсомола Грузии, а главное свое детище – Тбилисский русский ТЮЗ возглавлял свыше тридцати лет, аж да 1960 года. Потом работал в Твери, Туле, Ташкенте, воспитал целую плеяду режиссеров и актеров. Великий режиссер Георгий Товстоногов, начинавший в этом ТЮЗе, категорично назвал великим и его: «Мизансценированию я научился у великого режиссера Маршака».

Таким Е.Лебедев увидел Тбилиси

Константин Шах-Азизов

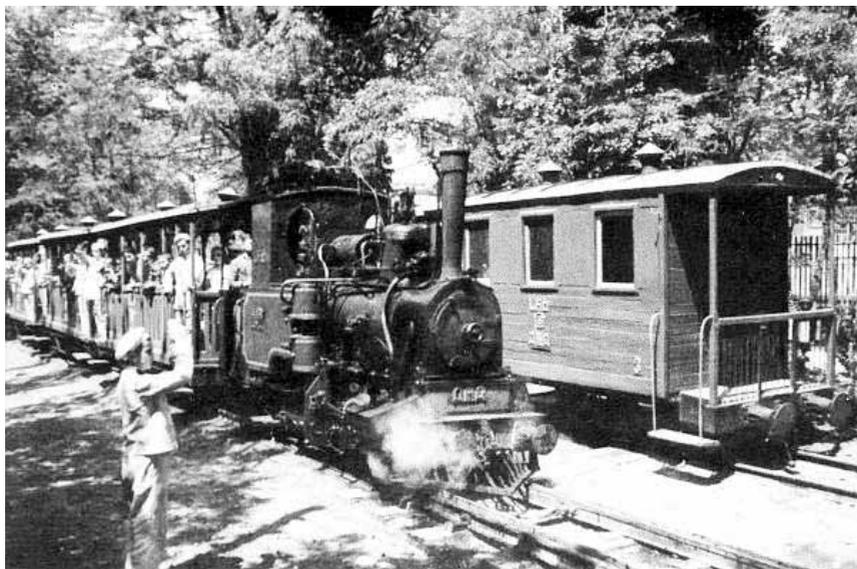
Сплошь и рядом можно прочесть и услышать, что Николай Яковлевич – брат замечательного поэта Самуила Маршака. Такова и одна из самых распространенных тбилисских легенд. Но это не так! У «московского» Маршака было два брата – старший Моисей и младший Илья, но никакого отношения к Тбилиси они не имели.

И вот что пишет театровед, театральный критик, заслуженный работник культуры России Лана Гарон: «Имея некоторое внешнее сходство с известным детским поэтом и такое же отчество, он взял себе псевдонимом фамилию Маршак, что впоследствии породило некоторую путаницу исследователей и биографов, считающих

их родными братьями. На самом деле, настоящая фамилия Н.Я. Маршака – Чечет; семья жила в отдельном домике во дворе католического костела на улице Калинина (ныне улица Иванэ Джавахишвили – прим. авт.), и, вероятнее всего, кто-то из его предков был католическим священнослужителем». Уж кому-кому, а Лане Александровне можно верить, ее свидетельства о жизни Тбилисского русского ТЮЗа, как говорится, из первых уст: она окончила актерскую студию при этом театре и три года проработала в нем актрисой. Так что мы еще не раз предоставим ей слово.

Еще один создатель этого ТЮЗа, Константин Шах-Азизов, окончил в Тифлисе реальное училище и драматическую школу, играл на любительских сценах, вместе с Маршаком основывал Первый пролетарский театр Комсомола Грузии. Но в историю русского театра он вошел не только этим. Константин Язонович в течение двенадцати лет проработал директором и художественным руководителем знаменитого Тбилисского русского драматического театра имени Александра Грибоедова и тридцать два года возглавлял Центральный детский театр в Москве. Был вице-президентом Международной ассоциации театров для детей и юношества, вице-президентом секции детской литературы и искусства Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

Да и вообще с Тбилисским рус-

Детская железная дорога в саду Муштаид

ским ТЮЗом связано множество замечательных имен, и не только театральных. Перечисление их всех займет огромное место, так что мы вынуждены ограничиться наиболее знаковыми. Помимо уже прозвучавших на этих страницах, это режиссеры Темур Чхеидзе и Котэ Сурмава, композиторы Гия Канчели, Вахтанг Кахидзе и Александр Басилая, художники Елена Ахвледиани и Кока Игнатов, дирижер Одиссей Димитриади, хореограф Юрий Зарецкий. Тут с полным основанием можно было бы поставить многоточие. Но как не вспомнить о директорах этого театра М.Р. Русланове и Константине Вайсермане, о режиссере Владимире Вольгусте. Или о рабочем сцены Булате Окуджава, который спустя

годы вспоминал: «Лебедев меня тогда на дух не замечал. Но зато потом, в своих мемуарах, он все-таки написал, что работал в тбилисском ТЮЗе, в котором рабочим сцены был я». Или о главном редакторе тюзовской многотиражки «Дети Октября» школьнике Густике Айзенберге, который стал знаменитым драматургом Анатолием Гребневым. Или о двух молодых актерах разных периодов, один из которых, брат знаменитого певца, Энвер Бебутов, стал главным режиссером Азербайджанского академического театра оперы и балета имени Мирзы Фатали Ахундова, а второй, Артем Карапетян – непревзойденным мастером дублирования и закадрового озвучивания в советском и российском кино.

Здесь был русский ТЮЗ

А какие мальчишки были всегда театральными тюзовскими спектаклей! Марлен Хуциев и Лева Кулиджанов стали кинорежиссерами, Боря Добродеев и Даня Храбровицкий – кинодраматургами, Олег Басилашвили – артистом, Володя Бураковский – кардиохирургом, Женя Примаков – государственным и политическим деятелем... Вот после этого многоточия авторы приносят искренние извинения всем, не попавшим в перечисление. Просто невозможно объять всех.

А еще с этим Театром юного зрителя связано создание... первой в мире детской железной до-

роги! В 1933 году увлеченные железнодорожным делом ребята с Тифлисской детской технической станции решают построить действующий макет с рельсами-шпалами, паровозами-вагонами. Николай Маршак – среди тех, кто предлагает выбрать такой масштаб, чтобы дети могли поместиться в кабине паровоза и сами управлять им. Городские школьники в восторге от этой идеи, предложения рождаются одно за другим. И вот, на вечере технической игры, проходящем в ТЮЗе, специалисты из знаменитого ТБИЖТа (Тифлисского института железнодорожного

транспорта) заявляют, что готовы помочь юным энтузиастам. Через полтора года, летом 1935-го, задуманное на сцене детского театра становится явью в Парке культуры и отдыха, который тогда носил имя Серго Орджоникидзе. И который тбилисцы во все времена называли только исконным именем – Муштаид...

Ну, а этот короткий рассказ об уникальном театре пусть завершат слова Ланы Гарон: «Русский ТЮЗ, возглавляемый Маршаком, был подчинен общему пониманию высокой миссии – служению Детству... В пеструю, многокрасочную и богатую впечатлениями театральную жизнь Тбилиси русский ТЮЗ вписывался абсолютно и органично!»

И БАБА-ЯГА, И СТАЛИН

К приезду Лебедева, в 1940 году, Тбилисский ТЮЗ носит имя Лазаря Кагановича, причем трудно понять, по какой причине: Лазарь Моисеевич имел отношение к чему угодно – к партийному руководству Украиной, к сельскому хозяйству, к транспорту, к нефтяной промышленности, но только не к театру. Впрочем, с названиями

этому ТЮЗу вообще «везло». Одно из них, длиннее, вспоминал известный сценарист Борис Добродеев: «В нелегкие довоенные и военные годы наше детство скрашивал лишь один гостеприимный дом в Тбилиси, который был знаком каждому школьнику, – русский ТЮЗ, Театр юного зрителя. Вообще-то, он объединял много чего и потому назывался очень торжественно – Дом художественного воспитания и технической пропаганды среди детей».

А теперь прочтем пригласительный билет на собрание в честь годовщины его первого спектакля. В четырех словах можно разобраться: «Театр Юного Зрителя при», а потом следует настоящая абракадабра: «Тифучкпрофсоже». Что это означало, можно только догадываться. И догадка эта такова: непризнанное название связано с Тифлисом, с чем-то учебным, с профсоюзом, и, наверное, с железной дорогой. А потом театр был связан с еще одной нелепой аббре-

Е.Лебедев в роли Сергея Тюленина в спектакле «Молодая гвардия»

виатурой – носил имя Первого Закслета юных пионеров. Впрочем, эти чисто советские заморочки на его деятельность не отразились.

Еще несколько слов на том старом пригласительном билете стали откровением для авторов этой книги и, несомненно, будут таковым и для тысяч наших современников.

Многие поколения тбилисцев помнят свой ТЮЗ в правом крыле здания, где размещалась гостиница «Рустави», бывшая «Ветцель», а потом находилось Министерство иностранных дел Грузинской ССР. Казалось, что детский театр был там со дня своего основания, а – нет! На пригласительном билете значится: «... собрание в помещении ТЮЗа по ул. 25 февраля №6 (быв. Татьянинская)». Оказывается, в самом начале своей биографии ТЮЗ собирал зрителей на улице, которая сейчас носит имя Георгия Товстоногова! Почти напротив дома, где жил режиссер! И, кстати,

рядом с домом Гии Канчели. Вот уж, действительно, «как много нам открытий чудных...»!

Лебедев ходит на службу уже в здании гостиницы «Рустави». Он великолепно вписывается в труппу, хоть и признается позже, что к работе отнесся по-особому: «В театральной школе говорили, что я занудный. Режиссеру будет с тобой трудно – так мне говорили. Когда приехал в Тбилиси, в ТЮЗе у Маршака начал репетировать, артисты уже играют, а я – читаю. Идет процесс накопления – и вдруг открывается человек». Так открываются для него царь Теймураз, герои Шиллера, Островского и Фонвизина, Павел Корчагин, Труффальдино в «Слуге двух господ», молодоговардеец Сергей Тюленин и даже... Сталин в пьесе «Побег». А поскольку театр рассчитан и на малышей, в репертуаре актера и Гекльберри Финн, и Иванушка-ду-

Та самая Баба-Яга в тюзовском спектакле

Концертное исполнение Бабы-Яги в 1970-х гг.

рачок, и пудель Артемон.

А была еще и ставшая легендарной роль Бабы-Яги в сказке Е.Черняка «Василиса Прекрасная», поставленной в 1941 году. Полная импровизации, озорства, перевоплощения, она полюбилась и зрителям, и самому актеру. Полюбилась настолько, что Лебедев повторил этот образ, играя в 1951-м Ведьму в аксаковском «Аленьком цветочке» на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. Кроме того, эксцентричная сказочная нечисть стала концертным номером, много лет исполнявшимся Евгением Алексеевичем на эстраде, причем часто он гротескно перевоплощался в нее без всякого грима. Вот какова, в описании Ланы Гарон, была самая первая лебедевская

Баба-Яга в Тбилисском ТЮЗе: «По рассказам очевидцев, на сцене стояло огромное дерево, из дупла которого была выдвинута доска. По ней с диким визгом и громким гиканьем съезжала лебедевская Баба-Яга с длинным острым носом и живыми точками – глазками. Театральный костюм был скроен из множества лоскутов, по отдельности прикрепленных друг к другу. Эти подвижные шевелящиеся лохмотья создавали особый эффект. Казалось, что нет отдельно тела и отдельно одежды, а вот эта вся шевелящаяся материя, ветошь, которая зыбко вздыбалась и клочкообразно опадала, казалось, это и есть само тело этой сказочной страшной и веселой старухи...Бабу-Ягу Лебедева мне посчастливилось видеть несколько раз, правда, уже в поздние годы и только в концертном исполнении. На наших глазах Лебедев вдруг превращался в томную и кокетничающую старуху, которая время от времени вскидывала острые глазки, чтобы проверить, какое впечатление она произвела. Лебедев демонстрировал чудеса актерской техники и полного владения своим телом, лицом, каждой его мышцей: одна сторона дергалась, другая была спокойна; правый глаз плакал, левый смотрел весело; смена выражений происходила в секунды. Казалось, такого не бывает, просто не может быть, невозможно!»

А это – тот же образ уже в ленинградском «Аленьком цветочке», его описывает театровед Ра-

Мадмуазель Куку в «Безымянной звезде»

иса Беньяш: «То была очень эксцентричная и очень современная баба-яга. Она выскакивала из-за тяжелой коряги, шурша широкими юбками, зазывно взвизгивая, наполняя лесную чашу странными выкриками, воркующим шепотом и томным придыханием. Она угрожала, кокетничала, сулила, пугала – в общем, пускала в ход все средства старинного женского арсенала.

Она была хищной и оболыстительной, старалась обворожить, но могла и напакостить. Прикрывая коварство льстивым угодничеством, она шныряла по лесу, стараясь во все заглянуть и всех провести. Ее чан с колдовским варевом очень напоминал кастрюлю в коммунальной кухне. А приправы, которые она добавляла в кипящее зелье, судя по торжествующему

выражению лица и счастливому хихиканью, ничем не отличались от соли, высыпаемой кухонной склочницей в соседский суп.

Лебедевская ведьма и вообще видела высшее наслаждение в том, чтобы насолить, помешать чьему-то благополучию, а потом самой же лицемерно выказывать сочувствие своей жертве. Обычный театралный реквизит чудища в руках Лебедева приобретал бытовое назначение. В помело он смотрелся, как в зеркало, или обмахивался им, как веером. Да и сам он в ослепительном вихре юбок, с повадкой злодействующей львицы напоминал зловредную ханжу, сплетницу, очень домашнее и очень обиденное исчадие ада. Гораздо более сложный вариант женского образа сыграл Лебедев уже на сцене Большого драматического театра имени М. Горького в пьесе румынского драматурга Себастьяна «Безымянная звезда». Мадемуазель Куку, провинциальная учительница, старая дева, была в исполнении актера олицетворением ненавистной ему мешчанской морали».

От Бабы-Яги с берегов Куры протянулась еще одна ниточка на берега Невы, к... легендарному Холстомеру. Лебедев признавался: получив эту роль в ленинградском БДТ, он был абсолютно уверен, что сможет сыграть лошадь, потому что уже играл Бабу-Ягу. Так что не случайно, в питерском кабинете Евгения Алексеевича до конца его жизни на подоконнике сто-

яла фигурка Бабы-Яги в ступе. Впрочем, его жена Натела считала важной еще одну тюзовскую роль, подчеркивая, что «в Тбилиси была работа «Пудель Артемон», которая предвосхитила Холстомера». «Судя по тому, как еще три десятилетия спустя сами артисты вспоминали спектакль и пуделя Артемона, это была выдающаяся работа, – добавляет Лана Гарон. – Спектакль ставил сам Маршак... И, конечно, среди всех выделялся Лебедев, в котором острая эксцентрика, гротеск всегда соединялись с глубоким проникновением в сущность образа. Как-то на одной из репетиций он, уже совершенно ощущая себя пуделем Артемоном, подошел к столбику на сцене и по-собачьи поднял ногу. Рассказывали, что сам он даже и не сразу понял, почему раздался такой гомерический хохот всех, кто увидел эту сценку».

«ОСОБАЯ АКТЕРСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ»

Но как бы ни были великолепны сказочные персонажи, актера все-таки делают драматические роли. Поэтому давайте прочтем еще отрывки из рассказа Ланы Александровны о Лебедеве – лучше театрального профессионала никто не расскажет о том, что дал Тбилисский ТЮЗ Евгению Алексеевичу и что он дал этому театру: «Похоже, что именно здесь, в Рус-

ском тбилисском ТЮЗе, сформировалась особая актерская индивидуальность Лебедева, и были намечены основные темы его творчества. Представляется, что в актерской природе Лебедева была заложена некоторая физиологичность исполнения: он играл как бы чуть-чуть «над реализмом»; можно использовать и общепринятую формулировку – сюрреализм, как ни покажется неожиданным этот термин, применительно к игре драматического актера. В эти первые девять лет работы в театре он проявил себя как характерный артист, склонный к эксцентрике, владеющий редким жанром гротескной игры в сочетании с тонким психологизмом. В нем непостижимым образом блистательно слились два направления русской театральной школы – школа представления, эксцентриада, яркая определенность формы и глубокое переживание, сердечный душевный надрыв, «жизнь человеческого духа», по словам К.С. Станиславского. К сожалению, почти не осталось людей, которые видели этот ранний, самый ранний период актерского творчества Евгения

Евгений Лебедев в Тбилиси

Лебедева. Воспоминания обрывочны, не полны, но и по ним все-таки можно составить некоторое представление о том, как это было. Мне рассказали о мизансценах в «Молодой гвардии», которые навсегда врезались в память «юному зрителю», видевшему спектакль более 60-ти лет назад. На авансцене Сережа Тюленин (Е.Лебедев) прикалывал на спину проходящему полицая (Г.Барановский) листовку с текстом типа «Я – предатель» или что-то в этом роде. Делалось это очень ловко и неизменно срывало аплодисменты... В спектакле «Слуга двух господ» была сцена, когда Труффальдино пытается заклеить чужое распечатанное письмо мякишем хлеба и непроизвольно проглатывает его, и не один раз! Настоящий концертный номер, собирав-

ший у верхнего окошка тюзовского закулисья, откуда актеры обычно наблюдали ход спектакля, толпу. Более поздний общеизвестный аналог – лебедевский шедевр в «Энергичных людях» В.Шукшина».

В общем, можно с полным основанием сказать: тюзовская роль Лебедева становится событием. Впрочем, не для всех.

Однажды к Лебедеву приехала сестра - навестить. Приехала из госпиталя, после контузии, в морской форме - она воевала во флоте. Евгений привел ее на репетицию, хотел показать свое мастерство. В середине репетиции она вдруг вскочила и закричала: «Чем вы занимаетесь?! Напустить бы на вас всю нашу полундру! Там люди гибнут! Война! А вы сказочки играете! Собаку изображаешь?! Этого ва-

шего толстого режиссера на один бы денек к нам под Новороссийск! И тебя бы вместе с ним!»

«Сестра вернула нас из сказочного мира в реальность, – с горечью признавался Лебедев. – Что такое мы с нашим театром, с нашими спектаклями? Спорим об искусстве, о своей профессии, о задачах, кусках, сквозных действиях, методах работы... Идет война! Нет хлеба, жрать нечего, госпитали

заполнены ранеными, немцы близко, а мы в лесу Карабаса-Барабаса ловим, он для нас Гитлер. Лиса Алиса и кот Базилио – шпионы. Буратино, Мальвина и я, пудель Артемон, – мы с ними воюем. И у нас никто не умирает, никого не контузило»...

После репетиции сестра сказала, как

отрезала: «Нам в госпитале кино показывали, я все ждала, тебя искала. Все знают, что у меня брат артист. Артист! Ха-ха! Собак играет! Я, конечно, об этом никому не скажу. Засмеют».

Что ж, фронтовичку можно понять, но в этом случае она неправа. В военные годы в тылу люди делали для победы то, что умели лучше всего. И к актеру Лебедеву это относится в первую очередь. Он рвется добровольцем на фронт, а после того, как получает бронь (которую ему вручили чуть ли не силой – прим. авт.), вместе с товарищами по сцене выступает с концертами в воинских частях, в госпиталях. И свои первые государственные награды будущий Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, Сталинской премий и Государственной премии СССР получает именно в Тбилиси. Это – медали «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Но были, конечно же, и прямо противоположные случаи, один из которых особо врезался в память Евгения:

«Война. Тбилиси. Театр юного зрителя. Я – актер этого театра. Как-то директор вызвал нас, актеров, к себе и сказал:

– В субботу – концерт. Очень важный. Очень ответственный. Звонил «сам»!

– А как же репетиция?

— Отменяется. Все отменяется!

Директор волновался. Его волнение передалось нам. «Сам» – это

начальник Закавказской железной дороги. Мы подчиняемся ему. Наш театр – «железнодорожный».

...Приехали на дачу к «самому». Сидим, ждем. Солнце печет, жарко. Пахнет чем-то сдобным, чем-то печеным. Здесь, на этой даче, нет войны. Здесь пахнет кухней совсем другого времени...

Наконец на террасу въехала коляска – такая, как в госпиталях. В ней сидел огромный черный парень с переломанной ногой.

– Познакомьтесь. Гиви. А это артисты, они пришли к нам в гости, навестить тебя.

– От имени театра, от имени работников искусств, от имени присутствующих здесь артистов мы рады приветствовать вас, дорогой наш Гиви, и пожелать вам скорейшего выздоровления!

Гиви сидит в окружении трех женщин, в белой рубашке с расстегнутым воротником. Здоровая нога прикрыта пледом, больная торчит вперед, показывая нам свою подошву. Герой войны!

– Спасибо, – сказал нам Гиви, когда концерт кончился.

Его увезли. А нас посадили в машину и отвезли обратно в театр.

– Он что же, был на фронте? Ранен? Герой?

– Нет, – ответил нам директор, – попал в аварию, где-то кутил с друзьями.

– Как?!

– Так.

От имени Закавказской железной дороги каждому принимавшему участие в концерте была объяв-

лена благодарность с занесением в личное дело».

Что ж, таково было неприглядное закусилье войны. И не только в Грузии...

НА СЦЕНЕ И В БЫТУ

В столице Грузии любимец тбилисских зрителей женится второй раз. Уточняет Лана Гарон: «Женой Евгения Лебедева стала актриса, красавица Катя Агаларова, которую все называли Малышкой. Наполовину азербайджанка, наполовину грузинка, с удлинненным разрезом глаз она была похожа на восточную миниатюру. При этом она еще и пела красивым теплым сопрано. Вначале молодая семья жила на тогдашней Татьяновской улице в комнате, которую им сдавала мама Гоги Товстоногова. Фактически это был просто замкнутый угловой «кусочек» длинного тбилисского балкона, который шел вдоль всего дома. (Спустя годы Натела Товстоногова уточняла: Евгений с женой поселились в бывшей «людской» – прим. авт.). Позже Лебедев и Агаларова жили в тюзовском общежитии в трехэтажном здании бывшего склада декораций с комнатухами-пеналами по пять на этаже, с печным ото-

плением, общей кухней и туалетом. Дом «в стиле ранний Вайсерманс», шутили артисты, причудливо соединяя слово Ренессанс и фамилию директора театра Вайсермана. О, это знаменитое общежитие Русского ТЮЗа на проспекте Плеханова N127! На третий этаж, где жили первые актеры труппы (Урусов, Беленко, Лебедев с Агаларовой, Энгельгардт), вела пристроенная снаружи гремящая металлическая лестница; ступеньки были с дырками в виде кружочков и линий, перила слегка поддерживались редкими металлическими подпорками. Лестница была вся какая-то прозрачная, почти воздушная. Она возвышалась над Плехановским проспектом с его платанами в три обхвата и казалась лестницей в небо».

На нынешнем проспекте Агмашенебели (бывшем Плехановском) сегодня уже нет ни знаменитых платанов, ни знаменитого общежития. Но память о семейной паре тюзовских артистов живет в тех, кто в далекие годы видел ее и на сцене, и вне сцены. Вот отрывки из книги обнинской писательницы Маргариты Исаакян, которая детские годы провела в Тбилиси и сорок лет проработала в этом городе в газете «Заря Востока». Они помогут увидеть Лебедева и в работе, и быту: «В сороковые годы тбилисский ТЮЗ снял одну из комнат Товстоноговых для молодого тогда, очень талантливого актера Евгения Алексеевича Лебедева и его обаятельной жены Катюши

Екатерина Агаларова

Агаларовой, тоже актрисы ТЮЗа. В театре все артисты были хороши, но мы с Леной страстно полюбили Евгения Лебедева и Катюшу Агаларову. Эта пара проходила у нас под шифром «Елка». Конечно, мы гордились дружбой с ними. Гордились тем, что жили на одной улочке, самой прекрасной в мире, с самым теплым именем. Но лукавлю, наверное. Не только гордилась...

На самом деле Евгений Лебедев первая моя любовь. Чувство незабываемое, восторженное. Мы бывали на всех спектаклях с его участием. Женя и Катюша, как мы между собой их называли, чувствуя нашу искреннюю привязанность, платили взаимностью. Катенька Агаларова – необыкновенная кра-

савица с ярким темпераментом...

В те далекие сороковые годы при ТЮЗе функционировали кружки, выпускались стенгазеты. Катюша Агаларова хорошо пела, иногда даже выступала со сцены с сольным пением. На концертах ТЮЗа многие выступали с сольными номерами, например, сам Маршак читал свои произведения, ну и, конечно, Евгений Лебедев с забавными сценками. Хоровой кружок вела Агаларова, а ее супруг – драмкружок. Со временем драмкружок стал функционировать и в нашей 16-й женской школе... Первым спектаклем, выбранным Евгением Алексеевичем для школьной постановки, был «Кошкин дом» по произведению Самуила Маршака. С неугасающим (даже спустя столько времени) удовольствием вспоминаю, как он знакомил нас с действующими лицами. Актер Лебедев – лицедей от бога, безо всякого грима, буквально за мгновения он то перевоплощался в Курицу, то оборачивался Козой, самодовольной Кошкой или трогательным Котенком...

Он всегда превращал в шутку любое недоразумение, и в результате конфуз оборачивался совершенно безобидным смехом. Как-то наш класс в полном составе и во главе с директором школы смотрел спектакль ТЮЗа по пьесе Гольдони «Слуга двух господ». Труффальдино играл Евгений Алексеевич. Там было много забавных моментов. Вот «Слуга» носится по сцене, порой забывая, кому следует вручить

важное письмо. Внезапно оно выскальзывает из-под его пальцев, летит в зрительный зал и плавно опускается на колени Изабеллы Леонардовны (директора школы – прим. авт.). Труффальдино бегом спускается со сцены и в реверансе, с улыбкой проказника, ловко подхватывает письмо, затем, как ни в чем не бывало, продолжает игру.

Лебедев обладал мгновенной реакцией на любую ситуацию, случавшуюся в процессе действия. Помню, как в этом же спектакле он, держа двумя руками блюдо с пудингом, поднес его ко рту и, сделав вид, что попробовал, сказал: «Немного приторно, но очень вкусно!» А потом, выдержав паузу, прибавил полушепотом как заговорщик: «Пожалуй, этот пудинг я оставляю себе... на съедение»...

Еще помню главное угощение – пудинг, который я сама приготовила. Пудинг был из манки, с орехами, изюмом, сахаром и ванилью. Испекла я его в ребристой форме, чтобы он выглядел точь-в-точь как в «Слуге двух господ». Когда мой кулинарный «реквизит» стал пробовать Лебедев, то с довольной улыбкой повторил фразу из своего спектакля: «Немного приторно, но очень вкусно». И добавил весело: «Пожалуй, рецепт этого пудинга я запишу... себе на съедение». По словам его жены, он часто вспоминал мой пудинг, но, думаю, так и не собрался его приготовить».

Однако и второй брак Евгения распадается. Но навсегда остается

дружба с Товстоноговыми, в доме которых он жил – молодым талантливым режиссером и его сестрой Нателой, будущей спутницей жизни Евгения Алексеевича. Сам бывший тюзовец, Товстоногов уже работал в Тбилисском русском драматическом театре имени Грибоедова, но свой родной детский театр не забывал. Там-то он и узнал, каков Лебедев на сцене. «Гога слушал, что происходит во мне, и доверял, - записывает Лебедев в своей театральной тетради. - Я думаю, актер должен этим все время заниматься, но режиссерам – всем, кроме Гоги, это мешает».

Товстоногов помогает ставшему другом жильцу начать преподавание актерского мастерства на своем курсе в Грузинском театральном институте, попробовать себя в режиссуре, руководить школьным драмкружком.

«СЕРПАСТЫЙ, МОЛОТКАСТЫЙ...»

Казалось бы, жизнь налажена, но волжанин Лебедев тоскует по России, в гримерке у него даже хранится спичечный коробок с землей, привезенной по его просьбе из Москвы. Он ходит по разным инстанциям, начинают на-

каливаться отношения в театре, но кто отпустит талантливого актера? И тут – неожиданный вызов в «органы». Рассказ Евгения Алексеевича об этом событии, весьма показательный для работы советской милиции, украшают своеобразные иллюстрации – точно к месту вставленные цитаты из стихотворения Владимира Маяковского «Стихи о советском паспорте» (их написание Е. Лебедевым сохранено – прим. авт.):

«Я волком бы выгрыз бюрократизм.

К мандатам почтения нету.

К любым чертям с матерями катись

Любая бумажка.

Но эту...

– Евгений Алексеевич, – шепотом докладывал перепуганный

комендант театра, – вас вызывает начальник милиции.

– Зачем?

– Печатей много... Печатей!!! В паспорте...

– Так ведь не я же их ставил... печати-то. Они законные, не поддельные.

...И вот я в милиции.

Я достаю из широких штанин
Дубликатом бесценного груза.

Читайте, завидуйте,

Я – гражданин Советского Союза.

Начальник раскрыл мой паспорт, стал искать последнюю прописку. От каждой перевернутой страницы глаза начальника раскрывались все больше и больше. Каждая страница паспорта была пропечатана временной пропиской. За девять лет моей жизни в Тбилиси я поменял много комнат, всюду проживал временно, всюду временная прописка, постоянной жилплощади нет, есть только постоянная печать с временной пропиской. Ее в паспорте ставили как попало и куда попало. Даже вкладыш, вставленный во время войны, и тот был весь в печатях.

– Ты где живешь? – взволнованно и угрожающе спрашивает начальник. – Как ты сюда попал?

С каким наслаждением жандармской кастой я был бы исхлестан и распят за то....

– Меня командировали...

– Кто тебя командировал? Кто? Кому ты здесь нужен? Зачем ты здесь нужен? Понял? Плохой ты артист.

И не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав, говорит:

– Чтобы в двадцать четыре часа тебя больше не было в Тбилиси, понял? – И швырнул паспорт в мою сторону.

– Да?! Так мне ведь только этого и нужно.

— Что тебе нужно?

Я радуюсь и отвечаю:

– Я уеду раньше. Вы только вот здесь... на заявлении наложите резолюцию, и я уеду.

– Куда ты уедешь?

Жандарм вопросительно смотрит на сыщика, сыщик на жандарма.

– Куда ты уедешь? Зачем?

– Я не хочу здесь жить, я русский, я хочу в Россию. Меня никто не отпускает. Не отпускает театр, Комитет... Я ходил в ЦК партии – не отпускают.

И вдруг, как будто ожогом, рот скривило господину...

– Я уеду, – продолжаю я, – уеду сейчас же, только наложите резолюцию.

– Погоди, генацвале... погоди... не волнуйся. Зачем волноваться? Не отпускают тебя? Да? Правильно делают. Почему ты стоишь? Садись. Садись, дорогой... И...

Глазами доброго дядю выев, не переставая кланяться, берут... обратно мой паспорт, мое заявление. Берут, как будто берут чаевые...

– Куда ты поедешь? Зачем? Говорят, там хорошо, где нас нет. Это ваша, русская пословица, она же и наша. Ты хороший артист...

Такой хороший артист... и такой плохой паспорт. Нэхорошо. Чем тебе здесь плохо? Комнату дали, работаешь в театре, хороший артист, паспорт мы тебе поменяем... живи! Работай! Твори! Ты творческий человек! Ты служишь для народа. Ты нужен народу!

Мне поменяли паспорт, меня прописали, у меня осталась одна печать и чистый паспорт.

...молоткастый, серпастый, советский паспорт!»

ТБИЛИСИ – МОСКВА – ЛЕНИНГРАД

А вскоре в жизни Товстоногова грянул гром, неприятности посыпались одна за другой. Он расстается с женой, актрисой Саломэ Канчели. Двух сыновей, Сандро и Нику, та оставляет Гоге. Одному из мальчиков – четыре месяца, другому – два года. В Театральном институте складывается фатальное непонимание с ректором Акакием Хоравя. Происходит крайне тяжелый инцидент личного характера со студентом Эроси Манджгаладзе. И в 1946-м режиссер уезжает в Москву. Руководит Гастрольным реалистическим театром, ставит в Центральном детском театре, в

Е.Лебедев в 1950-х гг.

других театрах Москвы и даже в Русском драматическом театре в Алма-Ате.

В 1949 году истосковавшийся по России Евгений Лебедев также покидает Тбилиси. Едет, конечно же, в Москву. Окончательно осознав, что его творческий потенциал выше требований, предъявляемых в детском театре. Красавица-жена ехать с ним отказывается – не хочет покидать город, с которым связаны детство и юность, в котором у нее столько родственников и друзей. И вся дальнейшая судьба Евгения Александровича будет связана с друзьями, которых он обрел в Грузии – братом и сестрой Товстоноговыми.

Приехав в Москву, Лебедев недолгое время служит в Театре промкооперации. Однажды на актерской бирже он случайно встре-

У дома, где жили семья Товстоноговых и Е. Лебедев

чает Товстоногова, который только что получил приглашение на должность главного режиссера Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. И Гога зовет друга к себе.

В Ленинграде Лебедев дебютирует в спектакле Товстоногова «Из искры...» по пьесе известного грузинского актера и драматурга Шалвы Дадиани. Играет Сталина. Поначалу роль совершенно не шла. Ничего не получалось. Олег Басилашвили запомнил рассказ Лебедева: «В день генеральной репетиции я лег отдохнуть на диван и заснул. И вдруг во сне мне является Сталин. Открывается дверь, входит Сталин и говорит: «Ты неправильно играешь. Надо делать вот так и так». Я пошел на сцену и повторил все, что он мне сказал». За эту работу два сына «врагов народа» Товстоногов и Лебедев получают... Сталинскую премию I

степени.

Натела с сыновьями Гоги к тому времени уже переехала в Ленинград. Ради брата она оставляет учебу в Московском медицинском институте и целиком посвящает себя брату и его детям: «Посоветовавшись с мамой, мы решили, что ни матери, ни отца – это для детей чересчур. Поэтому мальчики должны жить в Ленинграде, а помогать Гоге с ними управляться буду я». Ей было двадцать три года, а Евгению – тридцать три, когда они встретились снова.

Сначала Товстоноговы живут в общежитии театра. Туда же поселяют и Лебедева. Все хозяйство – на Нателе, Евгений, который умел в быту делать абсолютно все, помогает. С этого все и начинается. Его ухаживание за Нателой во многом проявилось именно в том, что он ее очень поддерживал.

Натела Александровна, кото-

рую лишь два человека – брат и Лебедев назвали тбилиским именем Додо, а чаще – Додошка, очень не любила вопросов на личные темы. Но в одном из интервью все-таки рассказала о том, как сложился их союз: «Я познакомилась с Евгением Лебедевым в Тбилиси, когда была еще школьницей. Евгений Алексеевич и Георгий Александрович после института работали в Тбилиском детском театре. В 1937-м у нас с Гогой репрессировали отца, жили мы довольно сложно, поэтому было очень кстати, что ТЮЗ снял у нас для Лебедева комнату. Евгений Алексеевич очень дружил с моей мамой, ну а между нами ни о каких отношениях и речи не было. Мне было пятнадцать, ему – двадцать пять. Это существенная разница. Мы с Гогой были абсолютно беспомощными в быту людьми, чего нельзя сказать про Женю. Поэтому он как бы взял над нами шефство... А вот, когда Гога пригласил Женю из Москвы, где он готовился стать актером Малого театра и где ему покровительствовала сама Рыжова, в ленинградский «Ленком», он стал бывать у нас. Бывал-бывал, да и остался. Моя мама хоть и любила Женю как артиста, но, когда узнала, что мы поженились, была недовольна. Ругала Гогу, почему он позволил. Дело в том, что Женя оставил семью – жену и дочь, которая стала замечательным врачом и живет сейчас в Америке, мы все время поддерживаем контакт».

Натела и Евгений поженились

в 1950 году. В марте 1952-го года рождается сын, Лебедев называет его в честь своего отца – Алексеем...

Долгое время они были очень бедны. И всегда – очень счастливы. Вся жизнь – почти пятьдесят лет! – они прожили одной большой семьей. Когда Товстоногов и Натела с Евгением получили отдельные квартиры, то все равно не разъехались. Их квартиры располагались рядом – в одном доме и на одном этаже, поэтому они прорубили в стене дверь и продолжали жить единым домом, как когда-то в Тбилиси.

ГРУЗИНСКИЙ ДОМ НА БЕРЕГУ НЕВЫ

Гога и Натела всю жизнь прожили тбилиским укладом, сохранив в своем доме грузинские дух, привычки, предпочтения. Поэтому жизнь Евгения Лебедева в Ленинграде, с Товстоноговыми, это тоже была, в каком-то смысле, жизнь в Грузии – камерной Грузии на берегу Невы. Причем в прямом смысле – большая ее часть прошла в доме на Петровской набережной и закончилась там же. Именно поэтому мы посчитали возможным немного рассказать и об этом. Тем более, что, как свидетельствует

Гога, Додо, Женья

Ирина Шимбаревич, многолетняя помощница Товстоногова, «общаясь с Евгением Алексеевичем, я понимала, что Грузия наложила на этого человека невероятный, мощный, вкусожизненный отпечаток».

«Грузинское начало, – писал Анатолий Гребнев, – обладает какой-то магической заразительностью: вкусы, обычаи, артистизм, этикет... Вот и дом Товстоноговых-Лебедевых в Петербурге, со всегдашними, когда не придешь, гостями из Тбилиси, был и остался грузинским домом. Надо ли говорить, что здесь всегда болели за тбилисское «Динамо» – вот он, показатель патриотизма!»

Грузинский, тбилисский тон в большой семье задавал, конечно,

Георгий Александрович, который, по свидетельству выдающегося завлита БДТ Дины Шварц, «всегда тосковал по Грузии». Достаточно сказать, что свое 50-летие Товстоногов отмечает в Тбилиси, на сцене театра Руставели. В том же 1965 году в БДТ ставится спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион» (по пьесе, написанной на основе повести Нодара Думбадзе самим писателем и режиссером Гигой Лордкипанидзе). В 1972 году Товстоногов ставит «Хануму», один из самых своих успешных спектаклей – о старом Тифлисе. В телевизионной версии постановки за кадром звучит голос самого Георгия Александровича, читающего стихотворение Григола Орбелиани в переводе Николая Заболоцкого: «Только я глаза закрою – передо мною ты встаешь! Только я глаза открою – над ресницами плывешь!» Новый 1983 год БДТ празднует на фоне огромной репродукции картины Пиромани...

Но, хоть Товстоногов и тосковал по Грузии, своих близких он заразил не тоской, а вечной привязанностью к этому уголку земли. И семья Товстоноговых-Лебедевых так и жила – по-тбилисски артистично, шумно, празднично. Главным местом в доме была кухня. Каждый вечер все собирались за большим столом. Натела готовила, в основном, грузинские блюда, которые Гога считал самыми вкусными на свете. Евгений тоже их любил, но, как волжанин, все-таки предпочитал рыбу. Засиживались до глубо-

кой ночи. Обсуждалось все: искусство, политика, литература, история и, разумеется, театр. Мнения не всегда совпадали. Порой стояли и крики, и шум. Но главное – дом был частью театра. И наоборот. Единственное, о чем в этом доме никто никогда не говорил, так это о гонорарах и заработках. Вопрос денег был вторичен. Всегда.

Высокие темы перемежались анекдотами и шутками. Тем более, что Лебедев, человек, в общем-то, закрытый и не очень веселый, шутить умел. Он был настоящим мастером розыгрыша. «Однажды разбудил меня часов в шесть утра и говорит: «Я перед тобой виноват, просто ужасно виноват», – рассказывала Натела Александровна. – Я отвечаю: «Ну что ты хочешь от меня, дай поспать!» А он продолжает: «Нет, я ужасно виноват. Прости меня, прости, но наш сын Алешка не от тебя!» Я со сна стала кричать: «Как это?! Не от меня?! А от кого?!» Потом пришла в себя и долго смеялась».

Как-то раз, когда в доме были гости, Лебедев пришел со спектакля вдребезги пьяный. Расстроенная и возмущенная Натела вытаскивала его из комнаты, чтобы он не позорился, а он продолжал ломиться в дверь, кричал, пел, ругался... Наконец Гога сжалился над сестрой: «Додошка, он же тебя разыгрывает!». В другой вечер Лебедев вернулся со спектакля. Дома сидело несколько гостей. Евгений, с искаженным лицом, входит в комнату, протягивая вперед руки,

как бы пытаясь что-то сказать. С трудом открывает рот, и все слышат ужасный звук – то ли вскрик, то ли всхлип. Затем снова, и снова... Поднимается переполох, бросаются вызывать «скорую»... И тут Лебедев вытаскивает из подмышки автомобильную грушу, которую незаметно сжимал, издавая на смерть напугавшие всех звуки...

Вообще, трудно представить более разных людей, чем Товстоногов и Лебедев. Георгий Александрович обладал очень легким характером. Евгений Алексеевич

Е. Лебедев с женой Нателой

М. Беломлинский
Георгий Товстоногов и Евгений Лебедев

был человеком с перепадами настроения, замкнутым и нервным. Вениамин Каплан, главный хранитель музея БДТ, объяснял это тем, что у Лебедева была «очень тяжелая жизнь. Молодость прошла в трагических драматических обстоятельствах, что, конечно, такой веселости, легкости, что была ему присуща на театральных капустниках, когда он здорово мог петь

«Метелок», не было. Иногда его прорывало веселое легкое нутро, но все-таки он был человеком драматической судьбы».

Гога, как и Натела, был абсолютной «совой». Он с трудом вставал по утрам, чтобы успеть на репетицию, после которой уезжал домой на Петровскую набережную, как он говорил, «ко щам». И ложился спать до вечернего спектакля. Проснувшись, ехал в театр и возвращался, чтобы до трех утра беседовать в кухне. Разговоры ему были необходимы. Экстраверт, он все свои раздумья и переживания выплескивал наружу. Но вот долгих застолий, хоть и был грузин по духу, не любил. Через час-полтора они начинали его утом-

Е. Лебедев и Г. Товстоногов в семье

Памятник в Санкт-Петербурге у дома, где жили Г. Товстоногов и Е. Лебедев

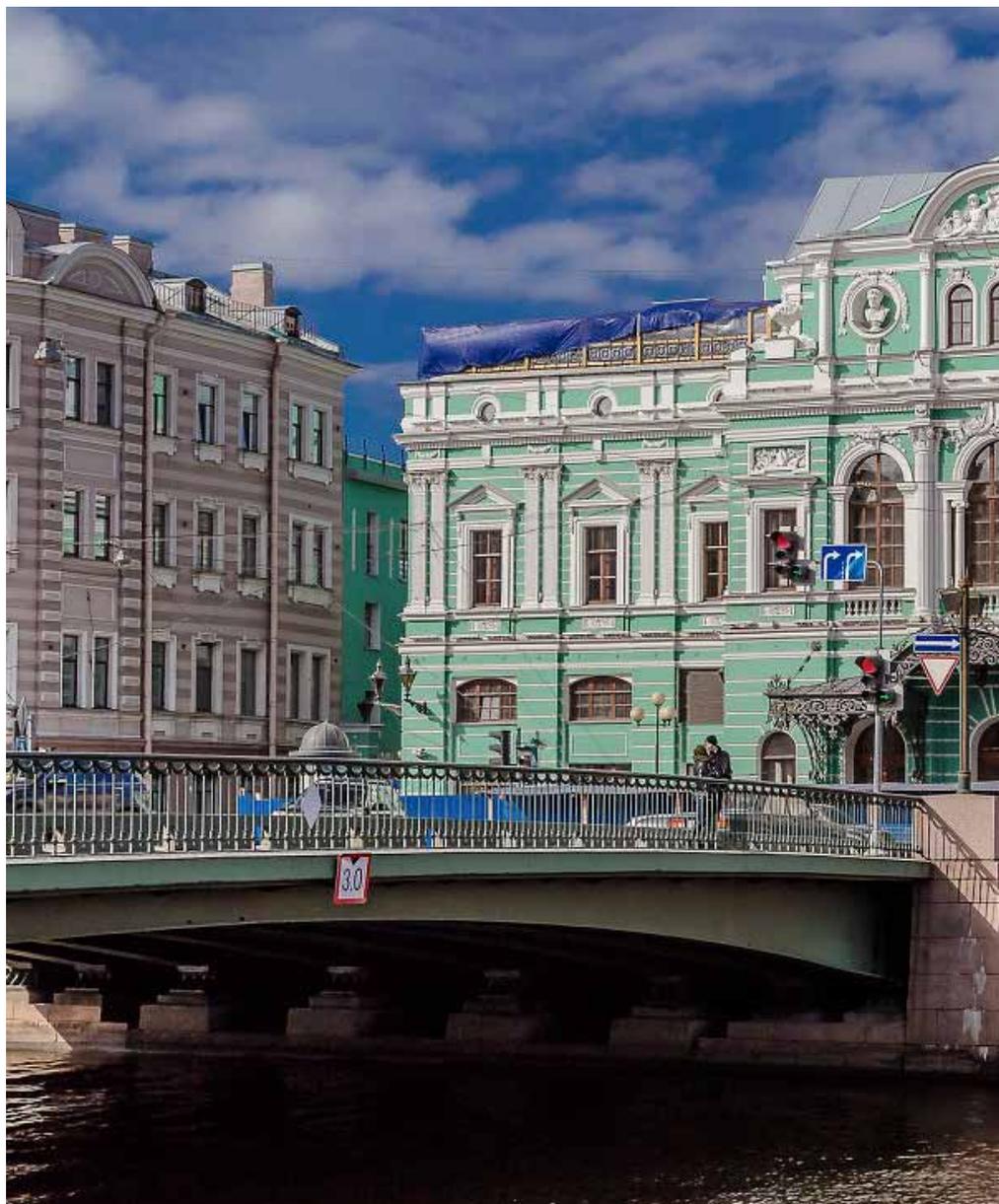
лять. Он предпочитал компанию в несколько человек. И совсем не пил, кстати.

Евгений Алексеевич был «жаворонком». Если не было спектакля, то в девять вечера он уже спал. Зато вставал первым в доме, очень рано. И самым первым появлялся в театре, будь то репетиция или спектакль. А вот выпить Лебедев был не против. Но делал это незаметно, в чем однажды призналась Ирина Шимбаревич. В ее кабинете для Лебедева всегда была припрятана бутылка коньяка.

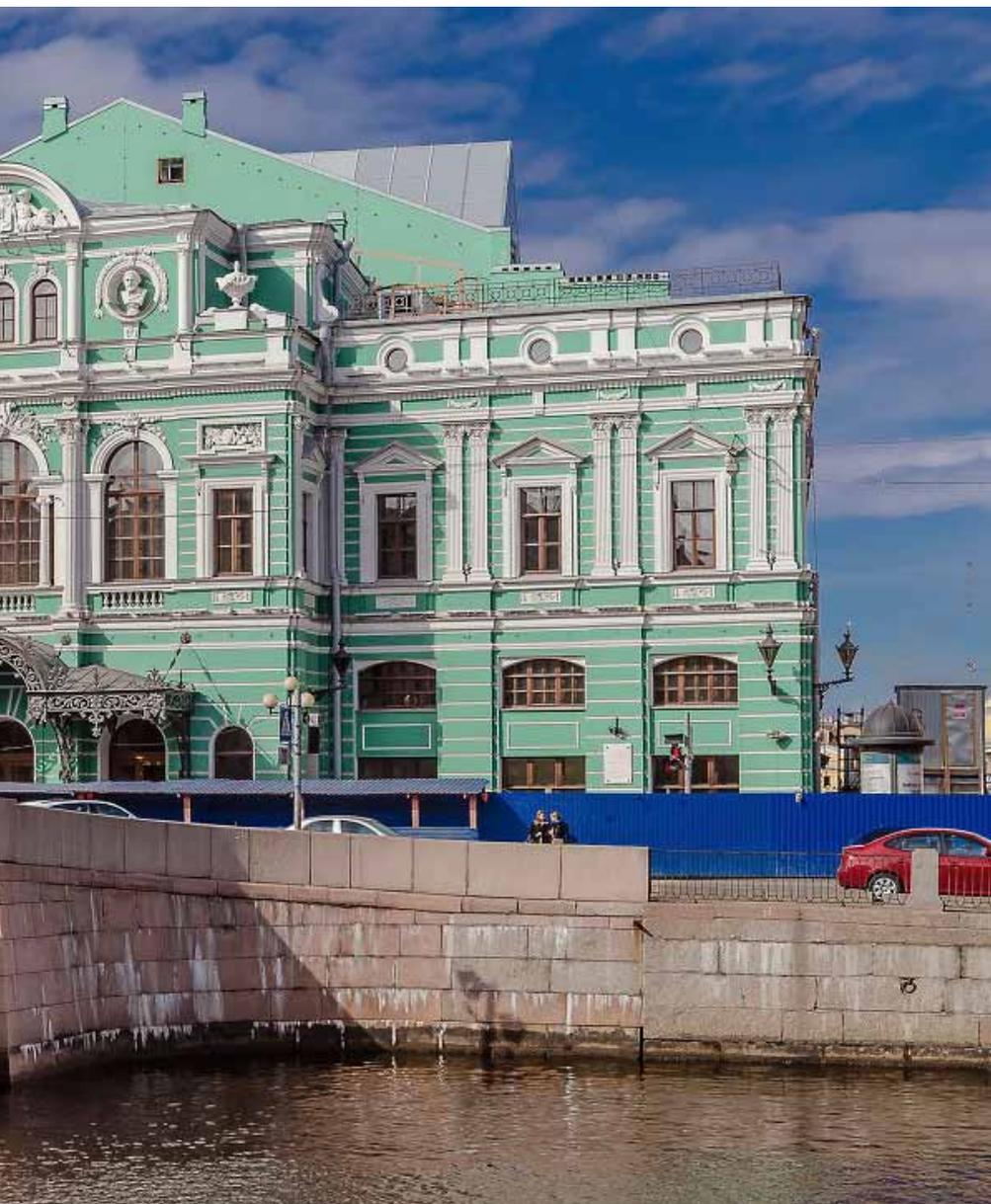
Выпивал он особым способом: глоток сливок – глоток коньяка. Приподнятое настроение и никакого запаха. Так же поступал и дома, и в гостях. А Натела Александровна была уверена, что муж вообще не пьет и не могла нарадоваться: «Вот видите, Женя может веселиться без всякого алкоголя».

Георгий Александрович был очень стильным мужчиной – ценил элегантность в одежде, любил хорошие костюмы. Лебедев костюмы ненавидел. Поэтому процесс сборов на концерты для него был пыткой. Галстук ему всегда завязывал Гога. Если бы можно было выступать в свитере, Евгений Алексеевич с радостью так и сделал бы.

Гога и Натела, как уже было сказано, не были приспособлены к быту. А вот Лебедев умел все. Сделать ремонт квартиры, починить любой механизм, сшить пальто и ботинки... На даче в Комарово, когда строили крылечко, он подробно объяснял Гоге, что такое балясина. А Товстоногов и слово-то такое слышал впервые. Из своей первой поездки в Восточную Германию Евгений привез тяжеленный чемодан с... Нет, не с одеждой, не с косметикой, не с продуктами, не с каким-то другим дефицитом, а с инструментами, которых накопил огромное количество. Инструменты были очень хорошие, а Лебедев любил мастерить.

Большой драматический театр им. Г. Товстоногова

«...А ЕСЛИ ЗАГЛЯНУТЬ В ДУШУ АКТЕРУ...»

В 1956 году вместе с Товстоноговым Лебедев перешел в Большой драматический театр имени М. Горького и со временем стал главным актером своего режиссера. Он участвовал во всех этапных постановках БДТ. Его роли в «Идиоте», «Варварах», «Мещанах», «Короле Генрихе IV», «Карьере Артура Уи», «Истории лошади» вошли в учебники по основам актерского мастерства. Между прочим, роль Холстомера была им сыграна после тяжелейшего инсульта, когда ему пришлось заново учиться ходить и говорить.

Каково это, жить рядом с двумя гениями? – часто спрашивали у Нателы Товстоноговой. «Такого чувства у меня не возникало, – отвечала она. – Я всегда была критически настроена по отношению к ним. Они даже говорили, что боятся меня. Но, как мне казалось, моя помощь заключалась в том, чтобы сказать им, что сделано плохо. А что хорошо – это и так видно. Поэтому хорошие слова они от меня редко слышали. Гога всегда очень остро воспринимал критику во время премьеры. После нее он выслушивал любое мнение спокойно. А

Е. Лебедев с сыном

Евгений Алексеевич – наоборот. У него после премьеры работа над ролью не прекращалась. Поэтому он очень не любил, когда близкие видели его премьерные спектакли. Сестра и жена не может быть одновременно и поклонницей. Это абсолютно точно. В этом отношении мы с Гогой были похожи. Родственные отношения, когда дело касалось театра, значения не имели»...

Евгений Лебедев непросто жил, тяжело работал, много размышлял... «За что я не люблю свою профессию? За то, что она не свободная. Бывают такие минуты, когда я ненавижу ее, презираю. Завидую тем, кто ни от кого не зависит, только от собственной воли. Я завидую тем, кто может совершенно один у себя в комнате, в мастерской, в кабинете или где угодно сосредоточиться и быть полновластным диктатором собственной воли, своего воображения, своей мысли,

На набережной Невы

своего чувства. Как противно, что ты зависишь от партнера, должен считаться с его настроением, с его повадками, капризами, манерами! Как несправедливо, когда режиссер, беспомощный и бездарный, получает право единовластно и самоуверенно утверждать свою бездарность и притом еще глумиться над актерами... Как это ужасно! Режиссер может оскорбить, унижить, актер полностью от него зависит. Ему могут не дать роль в следующей пьесе. Его могут отстранить от роли. Во всем, что не получилось у режиссера, будет виноват актер. А если заглянуть в душу актеру, у

которого нет работы, сколько невысказанного, сколько заживо похороненных надежд, мечтаний!»

Он никогда не просил у Товстоногова ролей, это было просто невысказанно. Поэтому одна мечта артиста так и осталась неосуществленной. Он страстно хотел сыграть Короля Лира. Обдумал пьесу досконально, знал текст наизусть, подготовился так, будто завтра у него премьера. Его дважды приглашали в другие театры именно на Короля Лира. Он отказался, боясь задеть чувства Гоги. А попросить для себя эту роль в БДТ так и не решился. «Я никогда не изменял

Товстоногову, – говорил Евгений Алексеевич в одном из своих последних интервью. – Он для меня был единственным, который воплотил в себе всех – и Таирова, и Мейерхольда, и Станиславского, и Немировича-Данченко, и Попова, и Михоэлса, всех тех, кого я видел».

На редкость эрудированный человек, он не просто читал книги, а работал с ними. Любил рисовать – и карандашом, и маслом, составлял композиции из ракушек и цветов. Очень много писал – дневники, рассказы, зарисовки. Еще при жизни вышла книга его воспоминаний «Испытание памятью». А еще он всю жизнь создавал скульптуры из гипса и дерева. «Экспрессив-

ные и причудливые, – писала Раиса Беньяш, – они совершенно естественно выступают из куска старой коряги, разлапых корней, странных наростов пня. Должно быть, сам материал подсказал автору динамичный силуэт танцовщицы, великолепно изогнувшейся в арабеске, ушастую собаку с добрым и человеческим лицом, мерзко подобострастную птицу-подхалима, романтическую фигуру в плаще, так театрально упавшую на колено и взметнувшую ввысь зажженный подсвечник».

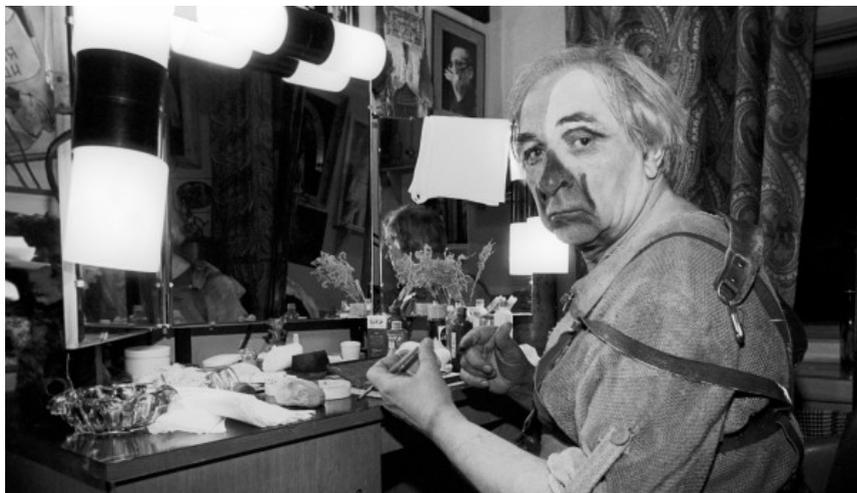
После смерти Товстоногова он вырезал из дерева только Гогу – его фигуру, лицо, профиль...

Творческая школа, манера работать у Георгия Товстоногова и Евгения Лебедева были очень похожи. Биографии тоже. И жизненные принципы. А еще оба ценили хорошую поэзию. Это стихотворение Александра Блока было в числе самых-самых любимых:

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

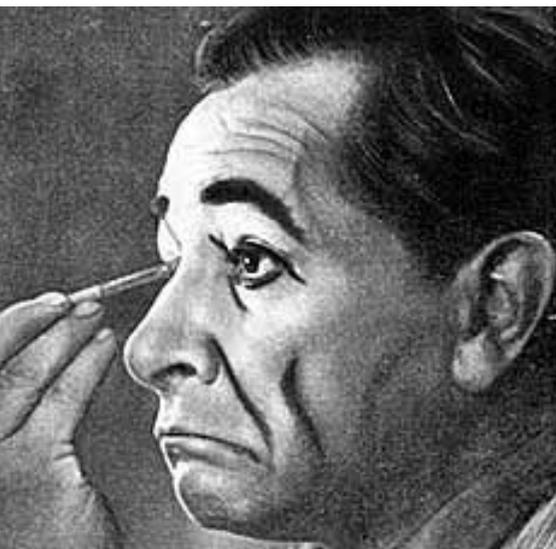
Ташитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

Е. Лебедев в гриме Холстомера

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Что ж, можно понять, почему
великому режиссеру и великому
лицедею были близки эти стро-
ки...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

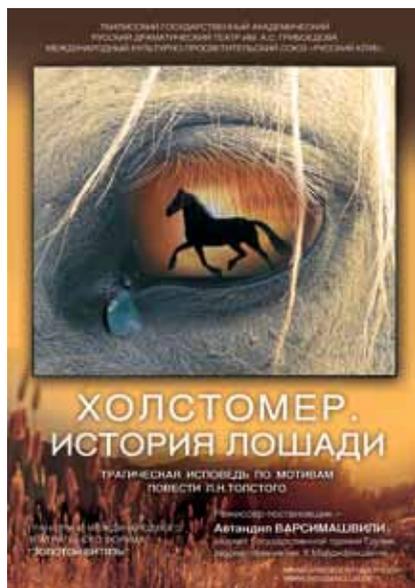
Тбилиси Евгений Александрович не забывал никогда. Вот что рассказывает директор тбилисского Грибоедовского театра Николай Свентицкий: «Я был в БДТ в 1992 году на благотворительном вечере, где собирали средства на восстановление нашего проспекта Руставели. В этот вечер Евгению Лебедеву вручали символический ключ от города – он получил звание почетного гражданина Тбилиси. Лебедев принял ключ... И ничего

Тбилисский «Холстомер»

не смог сказать – только плакал»...

К 95-летию со дня рождения артиста театр имени Грибоедова не только открыл в своем фойе фотовыставку, рассказывающую о жизни и творчестве Евгения Лебедева, о теплых чувствах, испытываемых к нему в Грузии. На грибоедовской сцене состоялась премьера спектакля, носящего имя самого знаменитого сценического персонажа Лебедева – «Холстомер». Свою версию инсценировки толстовской повести тбилисцы посвятили двум гениям, начинавшим свои театральные пути в их городе – актеру Лебедеву и режиссеру Товстоногову.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ.....	7
«...В ДЕЛЕ ТВОЕМ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЕРА».....	11
ВЫСОКАЯ МИССИЯ – СЛУЖЕНИЕ ДЕТСТВУ	15
И БАБА-ЯГА, И СТАЛИН	21
«ОСОБАЯ АКТЕРСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ»	25
НА СЦЕНЕ И В БЫТУ.....	28
«СЕРПАСТЫЙ, МОЛОТКАСТЫЙ...».....	31
ТБИЛИСИ - МОСКВА - ЛЕНИНГРАД	33
ГРУЗИНСКИЙ ДОМ НА БЕРЕГУ НЕВЫ	35
«...А ЕСЛИ ЗАГЛЯНУТЬ В ДУШУ АКТЕРА...».....	42
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.....	46

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

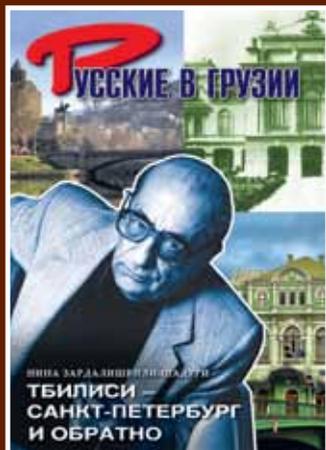
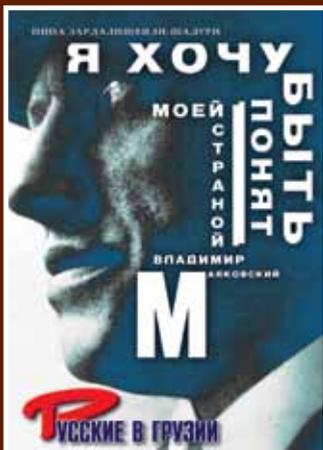
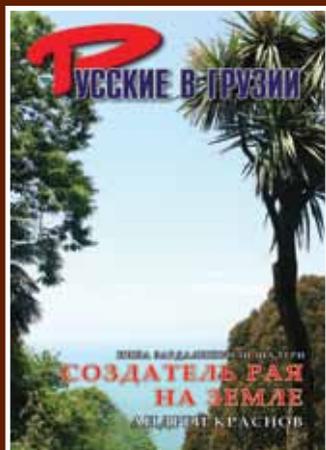
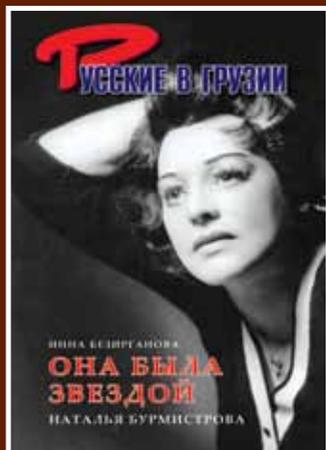
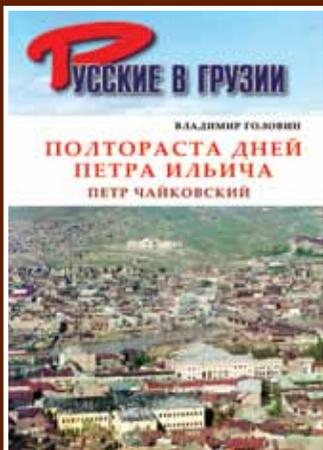
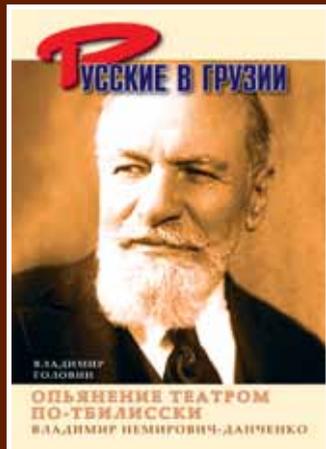
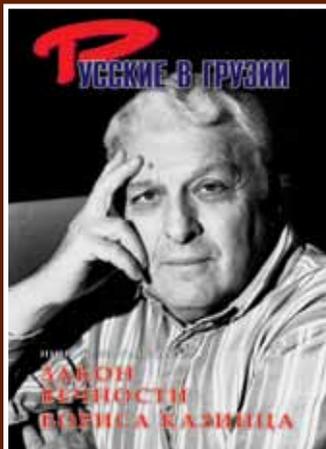
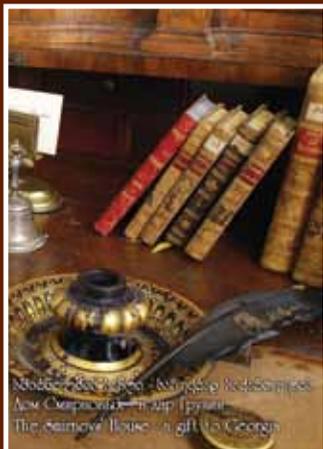
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
**«...ИМЕННО ЗДЕСЬ,
В ТБИЛИССКОМ
РУССКОМ ТЮЗЕ...»**

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

Владимир Георгиевич Головин – поэт, журналист, призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2016». Член Союза писателей Грузии, заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. Член редколлегии и один из авторов книги репортажей «Стихия и люди: день за днем», получившей в 1986 году премию Союза журналистов Грузии. В 2006-2011 годах – главный редактор самой

многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект».

Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекресток» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия).

Шадური-Зардалишвили Нина – филолог, литературовед, журналист. Член Союза писателей Грузии. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Член редколлегии журнала «Русский клуб». Окончила с отличием филологический факультет и аспирантуру Тбилисского государственного университета (ТГУ) имени Ив. Джавахишвили. В течение 15 лет работала диктором и корреспондентом Гостелерадиокомитета Грузии. Преподавала историю и теорию литературы в ТГУ. Автор статей по теории лите-

ратуры. Участник ряда международных научных конференций по русской филологии. Автор, соавтор, составитель, редактор более 20-ти художественных, научных и публицистических изданий.

